

Идея церкви въ поэзіи Владиміра Соловьѣва.

I.

Я буду говорить объ идеѣ церкви въ поэзіи Вл. Соловьѣва, но прежде слѣдуетъ уяснить, что понимать подъ словами „поэзія Вл. Соловьѣва“. Понимать ли подъ ними то, изъ написаннаго Вл. Соловьѣвымъ, что имѣеть *стихотворную* форму? Нѣтъ. Для всякаго знакомаго съ творчествомъ Вл. Соловьѣва ясно, что одна изъ оригинальныхъ чертъ этого философа-поэта именно въ томъ, что почти невозможно провести границу между его философскимъ и поэтическимъ творчествомъ. Ясно и то, что ни въ области философіи, ни въ области поэзіи его нельзя назвать специалистомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. И поэзія, и философія были для Вл. Соловьѣва лишь двумя орудіями религіознаго дѣйствія. Если меня спросятъ, что было „спеціальностью“ Вл. Соловьѣва, я отвѣчу: только религія, и при томъ религія христіанская. Онъ самъ признавалъ главной характерной чертой русской народности — преобладаніе религіознаго интереса надъ интересами умозрительными и художественными. Эта русская черта со всей силой проявилась въ самомъ Вл. Соловьѣвѣ. Создатель русской философіи, онъ превращаетъ философію въ богословіе, ученикъ Пушкина и Фета, онъ единственный изъ русскихъ поэтовъ беретъ въ руки лиру только для того, чтобы прославить Бога.

Отшельникъ скромный, обожатель Бога,
Монахъ-поэтъ Владиміръ Соловьѣвъ.

характеризовалъ его Бальмонтъ.

Большой ошибкой было бы считать Соловьѣва диллетантомъ въ философіи и поэзіи. То, что написано имъ въ обла-

сти чистой научной философіи и чистаго искусства достаточно показываетъ, что онъ могъ стать философомъ въ школьномъ смыслѣ этого слова и специалистомъ-поэтомъ, что тотъ путь религіознаго служенія, для котораго презрѣлъ онъ лавры Академіи и Парнаса, былъ избранъ имъ добровольно.

Гармоническимъ сочетаніемъ философскаго и поэтическаго генія Вл. Соловьевъ напоминаетъ Платона. Подчиненіемъ философіи и поэзіи религіозному началу—великаго византійскаго богослова и перваго изъ поэтовъ церковныхъ—Іоанна Дамаскина.

Если мы хотимъ найти начало, объединяющее всю дѣятельность Соловьева, то тщетно мы стали бы искать его въ философіи или поэзіи. Соловьевъ на много лѣтъ бросалъ и философію, и писаніе стиховъ. Одно только оставалось неизмѣннымъ въ теченіе всей его жизни: его отношеніе къ Христу и церкви. Философія была для него познаніемъ высшей мудрости—*Софии*, эта же Софія для его религіозно-мистическаго воспріятія являлась „нетлѣнной порфирой Божества“, „ризой Христовою“. Та же женственная вѣщность Божества проявляетъ себя въ исторіи человѣчества, какъ *церковь*. Она же была Музой поэта, его „вѣчной подругой“.

Потому, касаясь основной идеи поэзіи Вл. Соловьева, идеи Софіи и Церкви, мы неизбѣжно выходимъ за тѣсныя рамки его стихотвореній. Вѣрное пониманіе поэзіи Вл. Соловьева не можетъ быть составлено на основаніи однихъ его стиховъ. Смутные намеки, разсѣянные въ стихахъ Вл. Соловьева и подающіе поводъ къ обвиненію его въ мистической эротикѣ и языческой теософіи, пріобрѣтаютъ ясный христіанскій смыслъ, будучи сопоставлены съ соответствующими мѣстами его богословскихъ трактатовъ. Къ тому же такія творенія, какъ Исторія Теократіи, кромѣ своего богословскаго значенія, является совершеннѣйшимъ образцомъ религіозной поэзіи, и несомнѣнно, что Соловьевъ могъ, если бы захотѣлъ, создать религіозную эпопею въ духѣ „Божественной Комедіи“ Данте.

II.

Валерій Брюсовъ въ статьѣ о поэзіи Вл. Соловьева говоритъ, что форма стиха у него тусклая и бѣдная, что нѣкоторые его стихи такъ напоминаютъ *Фета*, что могли бы

быть приложены къ сборнику Фета, какъ въ древнемъ Римѣ къ сборникамъ Овидія прилагали стихи безъимянныхъ подражателей—*poetae Ovidiani*. (Примѣромъ такихъ стиховъ Брюсовъ приводитъ: „Зной безъ сянiя“.) Это не вѣрно. Несмотря на небольшое количество написанныхъ имъ стихотворенiй, Вл. Соловьевъ почти вездѣ является подлиннымъ *мастеромъ слова*. Отношенiе его къ поэзiи было всего менѣе диллетантское, его стихи не были, подобно стихамъ Гюйо „*Les vers d'un philosophe*“. Онъ потому и писалъ такъ мало, что придавалъ большое значенiе каждой стихотворной строкѣ. Изученiе его стихотворныхъ рукописей открываетъ въ немъ стилиста Пушкинской школы, эти рукописи сплошь покрыты пометками и вариантами. Видно, что поэтъ тщательно обдумывалъ каждый эпитетъ. Это отношенiе къ формѣ приближаетъ Вл. Соловьева къ Пушкинской плеядѣ, отдаляя его отъ друзей-поэтовъ серебрянаго вѣка—Фета и Полонскаго.

Влiянiе Фета на Соловьева безспорно, но Брюсовъ его значительно преувеличилъ.

Подобно Фету, Вл. Соловьевъ былъ чистый лирикъ, не признававшiй другихъ видовъ поэзiи. Онъ самъ говорилъ, что его не трогаетъ ни *эпосъ*, ни *драма*. Также былъ онъ равнодушенъ къ пластическимъ искусствамъ и живописи. Вся сила его поэтического таланта ушла исключительно въ лирику. Понятно поэтому его пристрастiе къ чистому лирику Фету, особенно если принять во вниманiе его тѣсную дружбу съ Фетомъ и то, что Фетъ являлся для него единственнымъ борцомъ Пушкинскаго поэтического исповѣданiя, поруганнаго и заплеваннаго гражданскою критикою 60-хъ годовъ! Приближало Соловьева къ Фету и то, что онъ былъ, подобно ему, поэтъ символистъ. Фетъ особенно цѣнилъ слѣдующее символическое стихотворенiе Вл. Соловьева:

Мыслей безъ рѣчи и чувствъ и безъ названiя
 Радостно мощный прибой...
 Зыбкую насыпь надеждъ и желанiя
 Смыло волной голубой.
 Синiя горы кругомъ навигаются,
 Синее море вдали.
 Крылья души надъ землею поднимаются,
 Но не покинуть земли.
 Въ берегъ надежды и берегъ желанiя
 Плещеть жемчужной волной

Мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія
Радостно мощный прибой.

Это стихотвореніе, какъ и другія символическія стихотворенія Вл. Соловьева (*Зачѣмъ слова? Бѣлые колокольчики, Les reverants*) родственны стихамъ Фета, но выгодно отличаются отъ нихъ необыкновенной ясностью своего символизма, логической послѣдовательностью въ смѣнѣ образовъ и строгимъ чеканомъ формы.

Эти черты приближаютъ Вл. Соловьева къ другому поэту, болѣе родственному ему по духу, чѣмъ Фетъ, къ *Пушкину*.

По собственному признанію Вл. Соловьева Пушкинъ съ дѣтства былъ его любимымъ поэтомъ. Въ написанной не за долго до смерти статьѣ „Особое чествованіе Пушкина“ онъ говоритъ, что вдохновеніе Пушкина идетъ *сверху*, не изъ расщелины, гдѣ сѣрные и удушливые пары, а оттуда, гдѣ свободная и свѣтлая, недвижная и вѣчная красота“. Эту свѣтлую, горную красоту, которой служилъ онъ самъ, Вл. Соловьевъ находилъ только у Пушкина. Будучи самъ религіознымъ проповѣдникомъ, онъ связываетъ свое дѣло не съ дѣломъ религіозныхъ проповѣдниковъ Толстого и Достоевскаго, а съ поэтическимъ дѣломъ Пушкина. Однажды ему задали вопросъ:

„Скажи, за что ты любишь Пушкина?“

Соловьевъ, не задумываясь, отвѣтилъ:

А вотъ за что:

Пришелъ сатрапъ къ ущельямъ горнымъ
И видитъ: тѣсная врата
Замкомъ замкнута непокорнымъ,
Грозой гроится высота,
И, надъ тѣсниной торжествуя,
Какъ мужъ, на стражѣ, въ тишинѣ,
Стопть, бѣлѣе, Ветилуя
Въ недостижимой вышинѣ.

Эту высокую торжественность и религіозный восторгъ, создавшій Пророка и Монастырь на Казбекѣ, Вл. Соловьевъ назвалъ однимъ библейскимъ словомъ *Ветилуя*—домъ Божій, противопоставивъ это сверху идущее вдохновеніе *мистицизму, діонисизму* Гоголя, Лермонтова, Достоевскаго и Толстого, восхваляемому Розановымъ. Соловьевъ говоритъ объ этихъ четырехъ писателяхъ: въ нихъ... Ветилуя настоящаго

почти не видать. Гоголь и Достоевскій всю жизнь тосковали по ней, но въ писаніяхъ ихъ она является болѣе дѣломъ мысли и нравственнаго сознанія, нежели прямого чувства и вдохновенія, при томъ *главнымъ образомъ* лишь по контрасту съ разными Мертвыми Душами и Мертвыми Домами; Лермонтовъ до злобнаго отчаянія рвался къ ней и не достигалъ, а Толстой подмѣнилъ ее „Нирваной“, чистой, но пустой, и даже не бѣлѣющей въ вышинѣ“. Этими словами Соловьевъ рѣзко отмежевываетъ себя отъ того, еще только возникавшаго при немъ „новаго религіознаго сознанія“, основой которой является діонисическое пониманіе христіанства, выводимое изъ религіознаго вдохновенія Лермонтова, Достоевскаго и Толстого. Вл. Соловьевъ противопоставилъ этому пониманію христіанства *аполлиническое, горнее* созерцаніе Пушкина:

Страсти волну съ ея пѣной кнучей
Тщетнымъ желаньемъ, дитя, не лови.
Вверхъ посмотри, на недвижно-могучій,
Съ небомъ сходящійся берегъ любви.

Этотъ Пушкинскій взглядъ *вверхъ*.

Туда бѣ въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ.

противопоставляется взгляду *вглубь*, психологическому самоанализу Толстого и Достоевскаго.

Только теперь, когда религія Толстого и Достоевскаго дала *новое* религіозное сознаніе Мережковскаго, а методъ психологическаго анализа привелъ къ полному разнузданію хаоса у Леонида Андреева и его послѣдователей, мы можемъ оцѣнить въ полной мѣрѣ этотъ призывъ Соловьева къ объективной красотѣ Пушкина.

Изъ стихотвореній Соловьева, выдержанныхъ въ Пушкинскомъ духѣ, назовемъ: Кумиръ Набукеднецара, Панмонголизмъ. *Ex oriente lux*, Неопалимая Купина и „Въ землю обѣтованную“.

Можно ли совершеннѣе воспроизвести приемы Пушкина, чѣмъ сдѣлалъ это Соловьевъ въ слѣдующей строфѣ:

О, Русь! Забудь былую славу,
Орель двуглавый сокрушень,

И желтымъ дѣтямъ, на забаву
Даны клочки твоихъ знаменъ.

Или

Въ трудахъ безславныхъ, въ сонной лѣнѣ,
Какъ сынь пустыни, я живу,
И къ мидіанкѣ на колѣни
Склоняю праздную главу.

Подъ этими ямбами подписался бы Пушкинъ.

Сближаетъ Соловьева съ Пушкинымъ также исключительный блескъ *строумія* и *вкуса*. Если мы прочтемъ письма Вл. Соловьева, его экспромты, то передъ нами прежде всего встанетъ образъ Пушкина. У обоихъ поэтовъ—высшій аристократизмъ духа, общительность, веселіе, добродушіе, щедрость, осторожное и тонкое проявленіе обширной эрудиціи и европеизма въ лучшемъ смыслѣ этого слова—черты, прямо противоположныя Лермонтову, Достоевскому и Толстому.

Въ самомъ значительномъ изъ своихъ стихотвореній, въ поэмѣ „Три свиданія“ Вл. Соловьевъ слѣдуетъ Пушкину во всемъ, что касается формы, и въ легкомъ, свѣтскомъ тонѣ шутиваго повѣствованія, которое назначено для аристократическихъ дамъ Петербургскаго салона, и въ торжественномъ, какъ церковный благовѣсть, прологѣ:

Я съ раннихъ лѣтъ привыкъ не вѣрить міру,
И подъ корою тяжелой вещества
Я осязалъ нетлѣнную порфиру
И узнавалъ сіянье Божества.

III.

Менѣе Пушкина и Фета влиялъ на Соловьева Алексѣй Толстой. Все же связь Соловьева съ Ал. Толстымъ очень глубока. Цитаты изъ стиховъ А. Толстого часто встрѣчаются въ стихахъ Вл. Соловьева. Нельзя упустить изъ виду и той личной связи, которая была у Соловьева съ А. Толстымъ. Онъ былъ связанъ тѣсной дружбой со вдовою А. Толстого, его племянникомъ, княземъ Д. И. Цертелевымъ и племянницей С. П. Хитрово. Въ украинскомъ имѣніи А. Толстого „Красномъ Рогѣ“ прошли лучшіе годы его юности. Особенно любилъ Соловьевъ и часто цитировалъ изъ Толстого: „Слеза дрожитъ въ твоемъ ревнивомъ взорѣ“. Вліяніе этого стихотво-

ренія чувствуется въ юношескомъ стихотвореніи къ кузинѣ Катѣ Романовой:

Что рокомъ суждено, того не отражу я
Безсильной дѣтской волею своею.
Пройти мнѣ должно путь земной, тоскуя
Но свѣтломъ небѣ родины моею.

Звѣзда моя вдали сіяетъ одиноко,
Въ волшебный край лучи ее манять,
Но недоступенъ этотъ міръ далекій,
Пути къ нему не радость мнѣ сулять.

Прости жъ, и лишь одно послѣднее желанье,
Послѣдній вздохъ души моею больною;
О если бъ я за горькое страданье,
Что суждено мнѣ волей роковой,

Тебѣ могъ дать златые дни и годы,
Тебѣ могъ дать всѣ лучшіе цвѣты,
Чтобъ въ новомъ мірѣ свѣта и свободы
Отъ злобной жизни отдохнула ты.

Чтобъ смутныхъ сновъ тяжелыя видѣнья
Вѣжали всѣ отъ солнечныхъ лучей,
Чтобъ на всемірный праздникъ возрожденья
Явилась ты всѣхъ чище и свѣтлѣй.

Отрицательное вліяніе формы А. Толстого сказалось въ легкости, съ которой Вл. Соловьевъ относился къ *нечистымъ тѣнамъ*. И въ приведенномъ стихотвореніи есть: одиноко-далекій. Въ другихъ стихахъ мы встрѣчаемъ: *проси—пути, яркій—парка* и т. д.

Любимымъ поэтомъ Соловьева послѣ Пушкина и Фета былъ Жуковский. Онъ любилъ говорить наизусть „Замокъ Смальгольма“. Стихотвореніе Жуковского „Сельское кладбище“ онъ считалъ началомъ „истинно-человѣческой поэзіи въ Россіи послѣ условно-риторическаго творчества Державинской эпохи“. Подобно Пушкину, Вл. Соловьевъ считалъ пышную грусть элегіи основнымъ свойствомъ русской поэзіи. Понятно, почему создателемъ русской поэзіи считалъ онъ Жуковского, а его „Сельское кладбище“ называлъ „Родиной русской поэзіи“.

Тамъ, на закатѣ дня, осеннею порою,
Она, волшебница, явилася на свѣтъ,
И пріяла лѣсъ ее опавшею листвою
И тихо шелестяль печальный свой привѣтъ.

И пѣсни строгія къ укромной колыбели
 Неслись изъ за моря, съ туманныхъ острововъ.
 Но, прилѣтѣвши къ ней, онѣ такъ сладко пѣли
 Надъ вѣщей тишиной родительскихъ гробовъ.

На сельскомъ кладбищѣ явилась ты не даромъ,
 О, гений сладостный земли моей родной!
 Хоть радугой мечты, хоть юной страсти жаромъ
 Плѣняла послѣ ты, но самымъ лучшимъ даромъ
 Останется та грусть, что на кладбищѣ старомъ
 Тебѣ навѣялъ Богъ осеннею порой.

Но, что всего болѣе привлекало Вл. Соловьева къ Жуковскому, это его *мистическій идеализмъ*, его близость къ міру духовъ и привидѣній, это наслѣдіе *германскаго романтизма*. Въ самомъ Соловьевѣ было какъ бы двѣ души: одна унаслѣдованная отъ отца: *ясная, трезвая, великорусская, Пушкинская*; другая, унаслѣдованная со стороны матери, *темная, мистическая, украино-польская*. Эта вторая душа была пожалуй сильнѣе первой, эта душа влекла его въ таинственный міръ поэзіи Жуковского.

Съ дѣтства Вл. Соловьевъ чувствуетъ себя *изгнанникомъ* на землѣ:

Жалкій изгнанникъ я въ мірѣ земномъ,
 Въ мірѣ мнѣ чуждыхъ людей.

Пройти мнѣ должно путь земной, тоскуя
 По свѣтломъ небѣ родины моей.

Съ дѣтства поэтъ уходитъ въ міръ своихъ мистическихъ грезъ. Надъ всѣми грезами царить одна греза любви къ мистической подругѣ.

Близко-далеко, не здѣсь и не тамъ,
 Въ царствѣ мистическихъ грезъ,
 Въ мірѣ, невидномъ смертнымъ очамъ,
 Въ мірѣ безъ смѣха и слезъ

Тамъ я, богиня, впервые тебя
 Ночью туманной узналъ.
 Станнымъ ребенкомъ быть я тогда,
 Станные сны я видалъ.

Въ образѣ чуждомъ являлася ты,
 Странно твой голосъ звучалъ,
 Смутнымъ созданіемъ дѣтской мечты
 Долго тебя я считалъ.

Развѣ это не то же стремленіе къ „очарованному *тамъ*“, которымъ дышетъ вся поэзія Жуковского?

И Жуковскій исходитъ изъ противопоставленія „здѣсь“ и „тамъ“, и его поэзія—стремленіе въ „царство мистическихъ грезъ“, гдѣ является ему его таинственная возлюбленная „геній чистой красоты“, „Лалла Рукъ“.

А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

Но то, что у Жуковского является окутаннымъ романтической дымкой и не выходитъ за предѣлы поэтической мечты, у Вл. Соловьева является во всей силѣ *мистическаго реализма* и *религіознаго знанія*.

Мистическое настроеніе души находить у Жуковского свою форму, облекается въ таинственные звуки, какъ бы проникающіе на землю изъ невидимаго міра духовъ.

Владыка Морены
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ

Эти звуки оживаютъ у Вл. Соловьева. Мы узнали забытый порывъ баллады въ строфахъ:

Шире, шире растеть кругозоръ,
Все ясныи и ясныи при лунѣ
Очертанія сѣрыя горъ,
Отраженныхъ въ Ломоядской волнѣ.

Мы прослѣдили основныя вліянія въ поэзіи Вл. Соловьева.

Хотя онъ по эпохѣ примыкаетъ къ плеядѣ Фета и Полонскаго, къ поэтамъ „серебрянаго вѣка“, онъ не теряетъ связи съ традиціями Золотого Вѣка, съ Жуковскимъ и Пушкинымъ.

У Лермонтова онъ заимствовалъ одинъ стихъ:

Очами полными лазурнаго огня.

Но въ общемъ остался чуждъ Лермонтову и произнесъ надъ нимъ строгій, и не совсѣмъ справедливый судъ. Еще болѣе несправедливо отнесся Соловьевъ къ Баратынскому, явно не всмотрѣвшись въ философскую и религіозную сущность этого великаго поэта Пушкинской плеяды. Несправедливость суда надъ Лермонтовымъ и Баратынскимъ особенно

поражаетъ, когда рядомъ мы находимъ панегирики Фету, Полонскому и Алексѣю Толстому. Здѣсь Соловьевъ отдааетъ дань своей эпохѣ. Здѣсь сказывается также односторонность его поэтического гения, ограниченного областью чистой лирики.

Остается сказать объ отношеніи Вл. Соловьева къ тому поэту, съ которымъ онъ неразрывно связалъ свое имя, сказавъ о немъ гениальное философское слово. Этотъ поэтъ—*Тютчевъ*. Сравненіе Вл. Соловьева съ Тютчевымъ приводитъ насъ къ нашей основной темѣ. Если Тютчевъ былъ поэтомъ *природнаго хаоса*, то Вл. Соловьевъ воспѣлъ природу, просвѣтленную дѣйствіемъ божественнаго *Логоса*, ту одухотворенную и нетлѣнную природу, которая, вмѣстѣ съ соборнымъ тѣломъ христіанскаго человѣчества, опредѣляется Соловьевымъ, какъ „свѣтлое тѣло Вѣчности—*Софія*“ невѣста Христова—Церковь.

IV.

Вл. Соловьевъ первый опредѣлилъ Тютчева, какъ поэта хаоса, ночной души человѣка, темнаго и подсознательнаго корня бытія. Отъ этого хаотическаго мрака Тютчевъ, по Соловьеву, стремится уйти въ христіанство, онъ взываетъ „къ ризѣ чистой Христа“, говорить, что его душа „готова, какъ Марія, къ ногамъ Христа навѣкъ прильнуть“. Несомнѣнно однако, что не это обращеніе къ христіанству составляетъ оригинальность Тютчева, а именно его прозрѣніе подсознательнаго хаоса. Онъ не имѣетъ твердой христіанской надежды Баратынскаго. Въ одномъ изъ самыхъ задушевныхъ стихотвореній онъ говоритъ:

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души, *болѣзненно грѣховный*,
Не знаю, суждено ли мнѣ возстать,
Пройдетъ ли *обморокъ духовный*.

Въ минуту покаянія поэту его основное настроеніе является *болѣзненно-грѣховнымъ, обморокомъ духа*. Онъ обыкновенно именно это стихійное настроеніе привѣтствуетъ восторженнымъ гимномъ. Онъ вполне сознательно и отчетливо противопоставляетъ „блаженство рая“ радостямъ земной весны и любви, отдавая предпочтеніе вторымъ:

Что предъ тобою блаженство рая,
Пора любви, пора весны?

Опредѣляя сущность своего поэтического таланта, онъ говоритъ:

Инымъ дарованъ отъ природы
Инстинктъ пророчески-слѣпой.

Сознательное предпочтеніе природной жизни и „родного хаоса“ — „блаженству рая“ и „сладострастью безплотныхъ духовъ“ неизбѣжно ведетъ къ трагизму. И Тютчевъ является *трагикомъ* въ истинномъ смыслѣ слова, какъ были трагиками *Эсхилъ* и *Софоклъ*. И у него надъ жизнью тяготный безпощадный и неодолимый *рокъ*. Принявъ законъ природной жизни, какъ благой и необходимой, Тютчевъ долженъ принять и послѣдствія этого закона: смерть и тлѣніе. Отъ этого послѣдняго не укроетъ „риза чистая Христа“, если не приобщиться дѣлу Христова искупленія. Начало же этого дѣла есть отрицаніе той природной жизни, пѣвцомъ которой является Тютчевъ. Не имѣющему надежды на спасеніе поэту остается только оплакивать свой жребій и жребій человѣчества. И никто не достигалъ такой безотрадности въ трагическомъ изображеніи отчаянія души, разбитой необорной силой Рока, какъ Тютчевъ.

Слезы людскія, о слезы людскія!

Мрачность Тютчева—мрачность до христіанская, *трагическая*, мрачность Эсхила и Софокла, сказавшаго, что всего лучше человѣку не родиться. Бездна хаоса не закрыта для него свѣтлымъ видѣніемъ Олимпійцевъ, какъ въ лучезарной поэзіи Пушкина. Для „инстинкта пророчески слѣпого“ жизнь лишена „логоса“, „смысла“. Это полное отрицаніе смысла личной жизни ведетъ къ отрицанію смысла жизни общественной, *прогресса*. Безпощадный консерватизмъ Тютчева, особенно сказавшійся въ его стихотвореніи „Къ декабристамъ“, вытекаетъ изъ подпочвенныхъ родниковъ его мистическаго міроощущенія. Если Тютчеву природа дорога только, въ своей оторванности отъ Логоса, въ своей одержимости стихійными силами хаоса, то для Вл. Соловьева, наоборотъ, природа дорога только, какъ начало, стремящееся къ освобожденію отъ хаоса, къ просвѣтленію силой Логоса. Красота цвѣтущей земли не пробуждаетъ въ душѣ Соловьева „про-

рочески слѣплого инстинкта“. Она говоритъ ему о томъ, что прямо противоположно слѣпой страсти; о любви:¹

Земля Владычица! Къ тебѣ чело склонилъ я,
И сквозь покровъ благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутилъ я,
Почуялъ трепеть жизни міровой.

Въ полуденныхъ лучахъ такую нѣгой жгучей
Сходила благодать сіяющихъ небесъ,
И блеску тихому несли привѣтъ пѣвучій
И вольныя рѣки и многошумный лѣсъ.

И въ явномъ таинствѣ вновь вижу сочетанье
Земной души со свѣтомъ неземнымъ,
Отъ огня любви житейское страданье
Уносится, какъ мимолетный дымъ.

Это стихотвореніе написано Соловьевымъ въ Пустынкѣ, въ маѣ 1886 г., въ дни высокаго расцвѣта его религіознаго дѣла. Черезъ 12 лѣтъ онъ вспоминаетъ объ этомъ днѣ, когда онъ молитвенно склонилъ чело къ землѣ:

Другой былъ, правда, день, безоблачный и яркій,
Съ небесъ лился потокъ ликующихъ лучей,
И всюду межъ деревь заброшеннаго парка
Мелькали призраки загадочныхъ очей.

Съ отношеніемъ Соловьева къ природѣ тѣсно связано его отношеніе къ любви.

V.

Смысль любви Соловьевъ всего яснѣе раскрываетъ въ символикѣ античнаго эллинизма, которой особенно любилъ онъ пользоваться въ юности. Его кандидатское сочиненіе было „О мифологическомъ процессѣ въ древнемъ язычествѣ“. Мифологію онъ понималъ въ духѣ *Теллинга* и *Крейцера*. Античные образы никогда не изсякали въ его стихахъ. Онъ прекрасно владѣлъ античной формой гексаметра, какъ показываютъ его стихи „Истинно тотъ есть любимецъ боговъ“ и переводъ IV-й эклоги Вергилія. Античный терминъ „боги“ встрѣчается у него даже въ самыхъ ортодоксальныхъ стихахъ. На пути къ „завѣтному храму“ душа его молилась „невѣдомымъ богамъ“. Только вѣрность церковному преданію, символизируемому въ „Сіонскихъ твердыняхъ“ и „чистыхъ

„Розахъ Сарона“ можетъ навести насъ на слѣдъ потерянныхъ „боговъ“. Въ „Трехъ свиданіяхъ“, обращаясь къ „Вѣчной подругѣ“, онъ говоритъ: *Богамъ и людямъ сродно смѣяться бѣдамъ, разъ они просили!* Самое Софію онъ неоднократно называетъ „*богиней*“.

Тамъ я, *богиня*, впервые тебя
Ночью туманной узналъ.

Познаніе божества въ *красотѣ* и *мудрости*, это начало эллинизма, окончательно воплотившее себя въ „Федръ“ Платона, было особенно близко Вл. Соловьеву. Конечно, его подходъ къ эллинизму *односторонень*. Говоря терминами Ницше, его влекла только *символическая, объективная прекрасная, аполлиническая* Эллада. Онъ остался чуждъ Діонисову духу аттической трагедіи, воскресшему въ Тютчевѣ и Достоевскомъ. Я не говорю здѣсь о діонисическомъ оргіазмѣ, которому вообще лучше бы не воскресать, а о положительномъ зрѣніи Діонисовой трагедіи, о „познаніи черезъ страданіе“, получившемъ развитіе въ христіанствѣ. Этой трагически-христіанской идеи о богопознаніи черезъ страданіе нѣтъ у Соловьева. За то со всей силой развита имъ другая идея: идея подвига во имя красоты, спасаемой и обожествляемой актомъ мистической любви. Первый подвигъ любви—подвигъ *эстетическій*. Это—воплощеніе мечты въ *искусствѣ*. Символомъ его является оживленіе Галатеи Пигмаліономъ. Второй подвигъ—*нравственный*. Воплощенная мечта, совершенная въ своей красотѣ Галатея превращается въ Андромеду, плѣненную *дракономъ грѣха*. Послѣ воплощеніе мечты и побѣды надъ дракономъ грѣха остается третій подвигъ: побѣда надъ *смертью*. Эта побѣда символизируется въ образѣ Орфея, изводящаго Евридику изъ Аида, очаровавъ боговъ преисподней звуками лиры:

Волны пѣсни всепобѣдной
Потрясли Аида сводъ,
И владыка смерти блѣдный
Евриднку отдаетъ.

Этотъ третій подвигъ — *религіозный*. Орфей, какъ и въ древнемъ христіанскомъ искусствѣ и у Климента Александрійскаго, является лишь прообразомъ Христа, побѣдившаго смерть.

Античнымъ символизмомъ пользуется Соловьевъ и въ стихотвореніи послѣдняго періода *Das ewig weibliche*. Проѣзжая около острова Паэоса, мѣста рожденія Афродиты, поэтъ обращается съ заклинательными словами къ морскимъ чертямъ. Рожденіе Афродиты было первымъ поражениемъ морскихъ демоновъ, оно привело ихъ въ „смятеніе, трепетъ и страхъ“. Но эта первая сила красоты не могла сломить господства демоновъ. „Дикую силу во мнѣ укротила, но покорить не съумѣла она“. Въ прекрасномъ образѣ Афродиты черти сѣяли „адское сѣмя растленія... смерти“. Афродита небесная обратилась въ Афродиту всенародную. Здѣсь мысль поэта уже покидаетъ античную почву и переходитъ къ христіанскому символизму. Ту побѣду надъ демонами, которую не могла одержать растлѣнная адскимъ сѣменемъ похоти и смерти Афродита, одержитъ непричастная первородному грѣху Предвѣчная Дѣва, опредѣляема въ теософіи Вл. Соловьева гностическимъ терминомъ *Софія* и Дѣва Радужныхъ Воротъ.

VI.

Прежде чѣмъ говорить объ отношеніи Вл. Соловьева къ любви, необходимо выяснитъ его отношеніе къ той *женственной гностици* *Божества*, которую воспѣлъ онъ подъ именемъ *Софіи*. Изъ отношенія его къ этому божественному началу объясняются всѣ отношенія его къ женщинѣ. Спутанность въ опредѣленіи *Софіи*. Спутанность въ опредѣленіи Софіи порождастъ тѣ разнородные толки, которые замѣчаются среди послѣдователей Вл. Соловьева. Одни изъ нихъ отпращиваются изъ христіанско-церковнаго пониманія Софіи, другіе изъ гностически-теософскаго Ея пониманія.

Въ теософіи Соловьева ясно различаются три метафизическія начала женственности:

- 1) *Душа міра*—міровая воля Шопенгауэра—начало потенциальное, могущее опредѣлить себя и къ свѣту, и къ тьмѣ, за которое борятся *Логосъ* и *Хаосъ*.
- 2) *Богородица*—обожествленная матерія, безсѣменно родившая Христа Дѣва и Царица Ангеловъ.
- 3) *Софія*—начало среднее между Богородицею и Христомъ о которомъ Соловьевъ говоритъ такъ: „Софія есть тѣло Божіе,

матерія Божества, проникнутая началомъ божественнаго единства. Осуществляющій въ себѣ или носящій это единство Христосъ, какъ цѣльный божественный организмъ—универсально и индивидуальный вмѣстѣ—есть и Логосъ и Софія“. (VII-е чтеніе о Богочеловѣчествѣ).

Изъ этого опредѣленія ясна связь Богородицы съ Софіей. Различить эти два начала—дѣло богословія. Для религіознаго чувства Софія сливается съ Богородицею, какъ одна *женственная снпстась Божества*. Соловьевъ говоритъ, что ученіемъ о Софіи онъ не вводитъ новыя божества. Главные храмы въ Новгородѣ и Кіевѣ были посвящены Софіи. Въ иконописи Софія отличается, какъ отъ Христа, такъ и отъ Богородицы. Но въ богослуженіи она почти совершенно сливается съ Богородицею. Глава книги Соломона, посвященная Софіи Премудрости, читается, какъ паремія, въ богородичные праздники. Съ другой стороны, въ особомъ богослуженіи Софіи, которое недавно было издано священникомъ Флоренскимъ, идея Софіи явно переходитъ въ идею Богородицы, теряя свои оригинальныя черты.

Эту женственную снпстась Божества—Софію—Богородицу воспѣлъ Вл. Соловьевъ подъ именемъ *царицы, богини*:

У царицы моей есть высокій дворець,
О семи онъ столбахъ золотыхъ.

Любовь къ царицѣ не можетъ являться иначе, какъ въ формѣ религіознаго культа, подобнаго рыцарскому культу Мадонны. Абсолютно-совершенное божественное начало не можетъ принять любовь въ иной формѣ, какъ въ формѣ служенія. Отношеніе поэта-монаха къ его царицѣ не можетъ имѣть ничего общаго съ земной любовью. Это любовь низшаго существа къ высшему. Она направляетъ своего служителя, его дѣло повиноваться Ея велѣніямъ и бороться съ соблазномъ плоти и міра, удаляющими его отъ царицы.

Вся жизнь Вл. Соловьева—исторія его сношеній съ Софіею. Три раза явилась она ему въ зримомъ образѣ, но внутренно онъ чувствовалъ ея приближенія и отдаленія постоянно. Она говорила ему: „Ты не долженъ уступать своимъ страстямъ. Если ты уступишь нечистому инстинкту, я *не въ силахъ буду* помочь тебѣ“.

Ясно, что любовь Соловьева къ Софіи можно понимать

только въ монашески-рыцарскомъ смыслѣ, въ томъ смыслѣ лишь говорятъ о любви къ Пресвятой Дѣвѣ.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.

Въ записной книжкѣ Вл. Соловьева, относящейся ко времени его перваго заграничнаго путешествія, находится слѣдующая молитва къ Софіи.

Молитва объ откровеніи великой тайны.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Неизреченнымъ, страшнымъ и всемогущимъ именемъ заклиная боговъ, демоновъ и всѣхъ живущихъ. Соберите воедино лучи силы вашей, преградите источникъ вашего хотѣнія и будьте причастниками молитвы моей, да возможемъ уловить чистую голубицу Сіона, да обрѣтемъ безцѣнную жемчужину Офира и да соединятся розы съ лиліями въ долину Саронской.

Пресвятая Божественная Софія, существенный образъ красоты и сладости сверхсущаго Бога, свѣтлое тѣло Вѣчности, душа міровъ и единая царица всѣхъ душъ, глубиною неизреченною и благодатию перваго Сына Твоего и возлюбленнаго Іисуса Христа молю Тебя: снизойди въ темницу душевную, наполни мракъ нашъ своимъ сіяніемъ, огнемъ любви твоей расплавь оковы духа нашего, даруй намъ свѣтъ и волю, образомъ видимымъ и существеннымъ явись намъ, сама воплотись въ насъ и въ міръ, возстановляя полноту тѣловъ, да покроется глубина предѣломъ и да будетъ Богъ все во всемъ“.

VII.

То христіанское пониманіе Софіи, о которомъ я говорилъ, смѣшивается иногда у Соловьева съ другимъ, гностическимъ пониманіемъ Софіи, которое находимъ мы въ гностическомъ сочиненіи *Πίστις Σοφία*, пониманіемъ Софіи, какъ *падшей души міра*. Символомъ этой Софіи является для Соловьева душа любимой женщины. Женщина для Соловьева—не высшее духовно-нравственное существо, не символъ вѣчной Софіи, какъ была Беатриче для Данте, а существо низшее, матеріальное, двойственное, и потому лживое. Отношеніе поэта къ женщинѣ не есть служеніе, а *подвигъ, трудная мистическая задача* спасенія и огражденія любимой души отъ тем-

ныхъ силъ, даже вопреки ея волѣ, ибо женщина, какъ существо безсознательное, равно стремится ко злу и добру.

О, какъ въ тебѣ лазури чистой много
И темныхъ, темныхъ тучи!
Какъ ясно полъ тобой сіяетъ отблескъ Бога,
Какъ злой огонь въ тебѣ томителенъ и жгучъ

И въ другомъ мѣстѣ:

Не страшися: любви моей щить
Не падеть передъ темной судьбой.
Межъ небесной грозой и тобой
Онъ, какъ встарь, неподвижно стоять.

Эта концепція любви, какъ мистическаго подвига, при всемъ своемъ величїи и красотѣ, недостаточно жизненная и христіанская. Для христіанскаго пониманія любовь не есть мистическая задача, а взаимодействіе двухъ духовно-нравственныхъ силъ. При пониманїи Вл. Соловьева женщинѣ отводится слишкомъ низкое мѣсто, она—только матеріальное существо, *способное къ одухотворенію*. Вся же духовно-нравственная сила полагается въ мужчинѣ. Идея женщины, какъ духовно-нравственнаго существа, возвышающаго до себя мужчину, эта идея, завѣщанная намъ Пушкинымъ и Тургеневымъ, совсѣмъ отсутствуетъ у Вл. Соловьева. Естественно потому, что его мистическій подвигъ оканчивается крушеніемъ:

Память, довольно! чинно эту скорбящую
Было мнѣ время отпѣть.
Срокъ миновалъ, а царевною спящею
Витязь не могъ овладѣть.

VIII

Та же двойственность, какая въ отношенїи къ Софіи, находится и въ отношенїи Вл. Соловьева къ *природѣ*, къ *матерїи*, или, выражаясь церковно, къ *плоти* и *міру*.

И въ явномъ таинствѣ вновь вижу сочетанья
Земной души со свѣтомъ неземнымъ

Это выраженіе недостаточно ясно. Что понимать подъ словомъ „земное“. Обыкновенно слово „земное“ аналогично слову: „плотское“, „страстное“. Какже можетъ это плотское

начало сочетаться съ „неземнымъ свѣтомъ“, т. е. съ тѣмъ, что его отрицаетъ? Владиміръ Соловьевъ былъ очень остороженъ въ словахъ. Онъ сознавалъ, что инья изъ его словъ могутъ подать поводъ къ соблазну. Отъ такого ложнаго пониманія своей поэзіи онъ предостерегаетъ читателя въ предисловіи къ послѣднему изданію своихъ стихотвореній. Опасенія его скоро оправдались. Именно неясныя, недоговѣренныя мысли его стиховъ были подхвачены послѣ его смерти мистиками — декадентами и сдѣлались въ ихъ рукахъ оправдательнымъ документомъ ихъ антихристіанскихъ теорій.

Наиболѣе сомнительны въ христіанскомъ отношеніи два стихотворенія: „Пѣсня офитовъ“ „Мы сошли съ тобой не даромъ“. Слова „Въ бездну мрака огневую льешь струю свою живую вѣчная любовь“ могутъ быть понимаемы двояко: 1) или въ христіанскомъ смыслѣ: „Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его“ или 2) какъ снятіе противорѣчія между свѣтомъ и тьмой, добромъ и зломъ, ибо зло есть *условіе* добра.

Предвидя возможность такого вывода, Соловьевъ даетъ толкованіе этихъ стиховъ въ „Жизненной драмѣ Платона“. Цвѣты не могутъ цвѣсти и благоухать, если корни ихъ не будутъ питаемы навозомъ; но это обстоятельство *не отблаетъ самъ навозъ благоуханнымъ*. Значить, противорѣчіе свѣта и тьмы, благоуханія и зловонія остается во всей силѣ.

Сознавая нѣкоторую еретичность приведенныхъ стихотвореній, Вл. Соловьевъ помѣстилъ ихъ въ шуточной комедіи „Бѣлая лилія“.

Обожествленіе плоти—одна изъ любимыхъ идей Вл. Соловьева, и эту идею находилъ онъ въ христіанствѣ. Нельзя однако забывать при этомъ двойственный характеръ словъ: *плоть, мѣръ*. „Плоть“ употреблено въ Новомъ Завѣтѣ не только въ опредѣленно отрицательномъ смыслѣ: „плоть и кровь царствія Божія не наследуютъ“, но и въ положительномъ: „слово *плоть* бысть“.

Если во Христѣ обожествляется плоть и занимаетъ мѣсто одесную Отца, то этимъ не обожествляется законъ плоти, который есть законъ грѣха. Эта растлѣнная грѣхомъ плоть не наследуетъ царствія Божія. Плоть Христова при самомъ своемъ возникновеніи находится внѣ естественныхъ зако-

новъ природнаго грѣха, она образуется изъ чистаго сѣмени Жены.

Вл. Соловьевъ часто говоритъ о *материализаціи Божества* въ христіанствѣ. Но не слѣдуетъ забывать, что понятіе матеріи распадается на 2 понятія: понятіе образа и понятіе *воли*. Первое понятіе не принадлежитъ матеріи по существу; матерія, принявшая образъ, уже есть матерія оформленная, одухотворенная; внѣ образа матерія есть *хаосъ, небытіе*, Платоново *μη βυ*. Эта хаотическая матерія не обожествляется въ христіанствѣ, ибо основной ея законъ есть законъ грѣха и смерти. Отличіе христіанства отъ религій Востока то, оно есть религія принявшаго образъ, *вообразившагося* Бога. Къ подсознательному, темному корню бытія христіанство относится также отрицательно, какъ и буддизмъ, и философія Шопенгауэра. Иначе придется отнести къ восточному вліянію не только писанія святоотеческія, но и книги апостоловъ. *Жизнь искажена, зла въ своей основѣ и противоположна закону любви*. Вотъ основной христіанскій тезисъ, постоянно развиваемый Вл. Соловьевымъ.

А вдали, догорах, дымилось
Злое пламя земного огня.

Всѣ порывы и чувства мятежны,
Злую жизнь, что кипѣла въ крови,
Поглотило стремленье безбрежное,
Рожовой, беззавѣтной любви.

Эти опредѣленныя, не допускающія двухъ толкованій выраженія показываютъ, въ какомъ направленіи должны мы понимать и *ть*, двусмысленныя выраженія о *безднѣ мрака огневой* и *свѣта изъ тьмы*. Красота для Вл. Соловьева есть первое торжество Логоса надъ хаосомъ въ матеріи, она есть предвареніе будущаго воскресенія и нетлѣнія плоти. Поэтому идея красоты у Вл. Соловьева, какъ и у его предка Сковорды, неразрывно связана съ идеей Воскресенія.

IX.

Видѣніемъ Софіи въ пустынь Египта закончился для Соловьева первый циклъ его развитія. Юношескій періодъ его жизни является съ одной стороны *философски-поэтичес-*

смиль (Кризисъ западной философіи, Критика отвлеченныхъ началъ). Это время его побѣдоносной борьбы съ философскимъ позитивизмомъ, матеріализмомъ и идеализмомъ. Если глядѣть со стороны, этой философской полемикой почти ограничивается дѣятельность Соловьева въ періодъ отъ 1874 до 1880 года. Но эта видимая сторона дѣятельности Соловьева есть только изнанка его тайной, оккультно-теософской жизни. Именно въ это время онъ усиленно предается занятіямъ оккультизмомъ и спиритизмомъ, стремясь къ оккультному познанію *Софіи*.

Завершеніемъ этого пути является *всецѣлое и полное откровеніе* Софіи въ пустынѣ Египетской, третье свиданіе. Теперь для вернушагося въ Россію философа предстоитъ новое дѣло: воплотить познанную мудрость—Софію—въ жизни *личной и общественной*.

Воплощеніе Софіи въ жизни есть дѣло любви, нахождение того женскаго существа, съ которымъ онъ можетъ связать свою жизнь, сочетавшись съ нимъ союзомъ мистической любви „во Христа и во Церковь“. Воплощеніе Софіи въ жизни общественной есть переходъ къ *Церкви*, какъ объективному воплощенію Софіи, къ Церкви, какъ тѣлу Христову, невѣстѣ Агнца.

Періодъ жизни Соловьева отъ 1880 до 1890 г. определяется, какъ періодъ *церковный*, въ противоположность первому теософскому періоду. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ этотъ періодъ переходитъ въ періодъ *общественно-публицистическій*, а отъ 1890 до послѣдняго 1900 г. совершается процессъ заключительнаго синтеза. Этотъ періодъ можно назвать *теософски-эстетически-церковнымъ*.

Дѣйствительно, тотчасъ по возвращеніи изъ Египта въ Россію, Вл. Соловьевъ встрѣчаетъ женщину, которой отдаетъ любовь всей своей жизни. Имя этой женщины было *Софія*.

Еще не пришло время для полнаго обнародованія фактовъ жизни Вл. Соловьева. Но мы считаемъ себя въ правѣ сказать хоть нѣсколько словъ о томъ, что явилось самымъ существеннымъ въ жизни поэта, чему обязаны мы лучшими созданіями его поэзіи. Если же принять во вниманіе то, что Соловьевъ не былъ фантазеромъ и мечтателемъ, а мистикомъ-реалистомъ, то мы не можемъ безъ чувства благоговѣнія вспоминать о той женщинѣ, въ которой ясновидящее

око поэта прозрѣло то, что было невидимо для другихъ: чистую лазурь, отблескъ Бога, наряду съ темными тучами, томительнымъ и жгучимъ огнемъ зла. Этой женщинѣ онъ написалъ въ день ея именинъ, 17 сентября 1887 г., завѣтъ своей жизни:

Смерть и время царить на землѣ,
Ты владыками ихъ не зови.
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ,
Неподвижно лишь солнце любви.

Эта любовь, долгіе годы нераздѣленная (Уходишь ты, и сердце въ часъ разлуки) около 85 года достигаетъ полного раздѣленія. Софія становится невѣстой Влад. Соловьева. Этотъ же періодъ есть періодъ пышнаго цвѣтенія его церковной идеи, время созданія Религіозныхъ основъ жизни и Исторіи Теократіи. Его личная жизнь сливается съ его церковной идеей въ заключительныхъ словахъ Предисловія къ Исторіи Теократіи, подписаннаго: Москва, на праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы 1887 г.:

„Церковь вселенская явится намъ уже не какъ мертвый истуканъ и не какъ одушевленное, но безсознательное тѣло, а какъ существо самознательное, нравственно-свободное, дѣйствующее само для своего осуществленія,—какъ истинная подруга Божія, какъ твореніе, полнымъ и совершеннымъ единеніемъ соединенное съ Божествомъ^о, всецѣло его вмѣстившее въ себя,—однимъ словомъ, какъ та *Софія, Премудрость Божія*, которой наши предки по удивительному пророческому чувству строили алтари и храмы, сами еще не зная, кто она“.

Мечтамъ Вл. Соловьева на воплощеніе религіозной идеи въ личной жизни не суждено было сбыться также, какъ и его мечтамъ о вселенской теократіи. Обѣ идеи потеряли крушеніе, а причины крушенія этихъ двухъ идей вытекали одна изъ другой.

Самъ Соловьевъ даетъ въ стихахъ объясненіе своей личной катастрофы. Съ послѣдней искренностью въ стихотвореніи „Память“, написанномъ въ 1892 году, онъ говоритъ, вспоминая исторію своей любви:

Горькой тоскою душа разрывается
Жизни такъ безъ сожаленья.

Гдѣ же причина этого сожженія двухъ жизней? Ясно, что трагедія была не въ томъ, что любовь Соловьева осталась нераздѣленной. Въ такомъ случаѣ не имѣло бы смысла выраженіе: „жизни тамъ *два* сожжены“.

Ключи къ пониманію катастрофы Соловьевъ самъ даетъ значительно позднѣе въ стихотвореніи „Съ новымъ годомъ“. 1 января 1894 г.

Власть ли роковая или немощь наша
 Въ злую страсть одѣла свѣтлую любовь.
 Будемъ благодарны, миновала чаша,
 Страсть перегорѣла, мы свободны вновь.

Очевидно, что причиной крушенія любящихъ была *переоцѣнка*, теоретическая и практическая, того темнаго начала, которое стремилась оправдать философская мысль Соловьева въ гностической концепціи разобранныхъ выше стихотвореній: „Пѣснь офитовъ“ и „Мы сошлись съ тобой не даромъ“. Если бракъ былъ для Соловьева символическимъ союзомъ вообразъ Христа и Церкви, то этотъ союзъ не могъ быть основанъ на темномъ началѣ стихійной страсти. Эту истину созналъ Соловьевъ послѣ крушенія своихъ надеждъ и выразилъ въ стихотвореніи „Съ новымъ годомъ“. То, что прежде представлялось ему *нормальнымъ закономъ природы*:

Свѣтъ изъ тьмы. Надъ темной глыбой
 Вознестися не могли бы
 Лики розъ твоихъ,
 Если бъ въ сумрачное лоно
 Не впивался погруженный
 Темный корень ихъ.

Теперь является ему, какъ дѣйствию „роковой власти“, результатъ „немощи“ человѣка. Не можетъ быть и рѣчи объ освященіи страсти. „Злая страсть“ вновь противопоставляется „свѣтлой любви“, какъ въ небольшомъ стихотвореніи, гдѣ Соловьевъ записалъ свое третье свиданіе въ Египтѣ, болѣе подробно описанное имъ впоследствии, въ поэмѣ „Три свиданія“.

Вся въ лазури сегодня являлась
 Предо мною царица моя...
 А вдали, догорая, дымилась
Злое пламя *злого* огня.

Третій подвигъ — освобожденіе Евридикы изъ Анды — не могъ окончиться побѣдою, ибо не былъ совершенъ второй подвигъ: побѣда надъ дракономъ грѣха.

X.

Египетское свиданіе было моментомъ кризиса въ дѣятельности Соловьева, переходомъ отъ теософски-окультурнаго призванія къ дѣятельности церковной. Внутренній голосъ Софіи настойчиво говоритъ ему: ты долженъ перейти къ дѣйствию.

Дѣятельность во имя Софіи могла принять два направленія, предъ Соловьевымъ были открыты два пути: широкія врата практической теософіи, т. е. магіи и оккультизма и узкія врата церкви. На первомъ пути его ждалъ рядъ успѣховъ и торжество, на второмъ — помраченіе возраставшей философской славы, одиночество и странническій посохъ. Соловьевъ, не задумываясь, выбралъ второй путь, и отвѣтилъ голосу, предложившему ему царство міра: отойди отъ меня, Сатана. Онъ отвергъ вѣнецъ, которымъ готовъ былъ увѣнчать его князь міра сего, и покорно склонилъ голову подъ иго Христова.

Влад. Соловьевъ никогда не вступалъ на путь практическаго оккультизма. Обладая исключительными оккультными знаніями и силами, онъ не считалъ возможнымъ для себя пользоваться этими знаніями и силами иначе, какъ въ союзъ съ выше его стоящей силой Церкви. Передъ смертью онъ высказалъ свое окончательное сужденіе объ оккультизмѣ, какъ антихристіанской силѣ, воплотивъ весь оккультизмъ будущаго въ лицѣ восточнаго мага Аполлонія, союзника антихристовъ, который съ помощью своей магіи убиваетъ послѣднихъ вождей церкви: православнаго старца Іоанна и католическаго папу Петра.

Современная теософія, въ своемъ взглядѣ на церковь, ссылается иногда на оскуднѣніе *мистическаго знанія* среди представителей современной церкви. Заклучивъ видимый союзъ съ христіанствомъ, она направляетъ свою полемику противъ современной церкви, противопоставляя ей мистическое знаніе церкви древней. Она охотно вербуетъ въ свои ряды отцовъ IV вѣка и особенно пустынниковъ Фиваиды.

Едва ли въ средѣ самой церкви найдутся лица, которые станут отрицать, что современная церковь скуднѣе мистическимъ знаніемъ и опытомъ, чѣмъ церковь Августина и Златоуста. Но несомнѣнно и то, что то же мистическое знаніе далеко не изсякло и теперь въ церкви, а въ ея цѣломъ церковь хранитъ во всей чистотѣ мистическое знаніе, завѣщанное ей священными преданіями Византіи и Фиваиды. Дѣло не въ томъ, гдѣ находится религіозно-мистическое знаніе, у теософовъ или въ церкви. Оно есть и тамъ, и здѣсь. Дѣло въ *качественномъ* различіи мистическаго знанія теософій и церкви.

Теософія XX вѣка не избрала ничего новаго. Корни ея уходятъ въ дохристіанскую древность и неоплатонизмъ. Теософія, какъ активная сила, была противопоставлена христіанству въ лицѣ Ямблиха, Порфирія и открытаго гонителя христіанъ цезаря Юліана. Но въ то время христіанство было активно и восторжествовало надъ ересеями, которыя, болѣе или менѣе, всѣ являлись реакціею языческаго оккультизма. Теперь мы замѣчаемъ обратное: временную побѣду языческой теософій надъ христіанствомъ. Эта побѣда предсказана въ пророческой книгѣ Новаго Завѣта.

Влад. Соловьеву былъ открытъ путь Ямблиха и Порфирія, но онъ сознательно избралъ путь Августина и Златоуста. Онъ не задумался оглянуться назадъ, въ глубь церковнаго преданія; онъ не побоялся насмѣшекъ интеллигенціи, увидѣвшей въ немъ запоздалаго романтика; не побоялся подозрительнаго недовѣрія официальной церкви, не хотѣвшей принять въ свою среду безпокойнаго мистика.

Но не смутять тебя воинственные клики,
Звонъ латы и стукъ мечей.
Недвижно ты стоишь, и слушаешь великій
Завѣтъ минувшихъ дней.

Теперь задачей Соловьева становится „оправдать вѣру отцовъ“. На это дѣло онъ благословленъ былъ особымъ видѣніемъ. Онъ жилъ въ то время въ имѣніи Хитрово подъ Петербургомъ, самое имя котораго — Пустынька—говорило душѣ Соловьева, обратившейся къ „вѣрѣ отцовъ“. Дикая и величественная природа Пустыньки питала аскетическое настроеніе поэта. Тотъ, кто чтитъ память Соловьева, пусть посѣтитъ мѣсто его подвиговъ и думъ—Пустыньку. Гранит-

ная глыба, мутныя волны дикой рѣки Тосно, „бѣлый, сыпучій песокъ“, старая сосна—все это неразрывно связано съ поэзіей Соловьева. Песчаная почва Пустыньки произрацаетъ тѣ высокіе, воздушные бѣлые колокольчики, которые были для Соловьева символами „бѣлыхъ ангеловъ“.

Сколько ихъ расцвѣтало недавно,
Словно бѣлое море въ лѣсу.
Стройно воздушныя,
Тѣ же они.
Въ знойныя, душныя
Тяжкія дни.

Тамъ, на берегахъ Тосно, находился камень, который Соловьевъ называлъ „святымъ камнемъ“. Къ нему обыкновенно приводилъ онъ ту, которую считалъ своей единственной подругой:

Снова веду ее къ камню святому я,
Берегъ отвѣсный высокъ.

На этомъ святомъ камнѣ предстала ему процессія церковныхъ старцевъ, благословившихъ его на великое дѣло: оправдать, защитити и прославить вѣру отцовъ.

XI.

Основой церковной жизни является *смирение*, сознание себя только *какъ немощнаго орудія* воли Божіей, отказъ отъ своей воли и разума во имя воли и разума церкви, черезъ которую дѣйствуетъ Христосъ. Это смиреніе было у Соловьева съ ранней юности. Въ одномъ изъ первыхъ стихотвореній онъ говоритъ:

Когда въ свою сухую ниву
Я сѣмя истины пріялъ,
Оно взошло, и торопливо
Я жатву первую собралъ.

Не я растилъ, не я лелѣвалъ,
Не я поилъ его дождемъ,
Не я надъ нимъ прохладою вялъ,
Иль яркимъ согрѣвалъ лучомъ.

О нѣтъ! я терномъ и волчцами
Посѣвъ небесный подавлялъ.
Земныхъ стремленій плевелами
Его тѣшилъ и заглушалъ.

Обратиться къ церкви заставляетъ его сознаніе полнаго безспія нашей личной воли въ борьбѣ съ силой зла:

Отъ пламени страстей, нечистыхъ и жестокихъ.
Отъ міра плѣннаго и злобной суеты
Не исцѣлитъ насъ жаръ порывовъ одиночкихъ.
Не унесетъ побѣгъ тоскующей мечты.

Не средь житейской мертвенной пустыни,
Не на распутии праздныхъ думъ и словъ
Открыть намъ путь къ утраченной святынѣ,
Напасть на слѣдъ потерянныхъ боговъ.

Не нужно ихъ! въ великой благостынѣ
Нашъ Богъ земли своей не покидалъ.
И вѣдъ единый путь отъ низменной гордыни
Къ смиренной высотѣ открытъ и указать.

И не колеблются Сіонскія твердыни,
Саронскихъ чистыхъ розъ не вянетъ красота,
И надъ живою водой, въ таинственной долинь,
Святая лилія негѣнна и чиста.

Эти символическіе образы „твердынь Сіона“, „Саронскихъ розъ и лилій“ связуютъ церковную дѣятельность Вл. Соловьева съ его теософскимъ знаніемъ о Софіи. „Да возможемъ уловить чистую голубицу Сіона и да соединятся розы съ лиліями въ долинь Саронской“. Единственной гордостью, которую позволялъ себѣ Соловьевъ, было сознаніе того, что все имъ творимое исходитъ не отъ него, а отъ высшаго источника Божественной мудрости, обрѣтеннаго имъ. На своей апологетической книгѣ „Оправданіе добра“, гдѣ онъ обосновываетъ мораль на „Подвижническихъ словахъ Исаака Сирина“, онъ надписалъ:

Родился я подъ знакомъ Водолея.
Читатель! приходи и смѣло воду пей.
Она—не отъ меня, ее нашелъ въ скаль я.
Изъ камня истины исходитъ сей ручей!

Чистымъ духомъ святоотеческаго православія и горячею любовью къ Богу полно написанное въ этотъ періодъ сочиненіе: Религіозныя основы жизни. Эти основы жизни три: молитва, милостыня, постъ. Первая глава „О молитвѣ“ кончается слѣдующимъ переложеніемъ молитвы Господней:

„Отецъ нашъ небесный, родоначальникъ новой благой жизни въ насъ! Да святится имя Твое, т. е. истина, нашею

вѣроу. Да придетъ царствіе Твое,—вся наша надежда. Да будетъ воля Твоя, единою любовью всѣхъ и все соединяющая, да будетъ она не только въ мірѣ покорныхъ тебѣ духовъ, но и въ нашей природѣ, самовольно отъ тебя отдѣлившейся. А для сего возьми нашу плотскую жизнь и очисти ее Твоимъ животворящимъ Духомъ. Возьми наши права, и оправдай насъ Своею истиною. Возьми всѣ наши силы и всю нашу мудрость, ибо намъ недостаточно ихъ въ борьбѣ противъ невидимаго лукавства; Ты же вѣрнымъ путемъ Своимъ приведи насъ къ совершенству, ибо Твое есть царство, и сила, и слава во вѣки вѣковъ“.

Но высшаго расцвѣта геній Соловьева достигъ въ его фундаментальномъ трудѣ „Исторія и будущее Теократіи“. Въ символическомъ толкованіи Библии съ отгвнкомъ Платонизма, Соловьевъ здѣсь непосредственно примыкаетъ къ Филону Александрійскому. Въ сочетаніи страстнаго религіознаго чувства съ желѣзною мощью философско-историческихъ схемъ и построеній, въ пониманіи церкви, какъ развивающагося въ историческомъ процессѣ Града Божія—Соловьевъ является прямымъ наслѣдникомъ Августина. Что же касается художественнаго стиля, то здѣсь Соловьевъ достигъ неподражаемой высоты. Каждая строка этой религіозной поэмы, подобно Божественной комедіи Данте, вылита изъ чистаго золота. И это величественное зданіе Теократіи осталось неконченнымъ. И оно, какъ личная жизнь Соловьева, потерпѣло роковое крушеніе. Та же „роковая власть“ и человѣческая „немошь“, разрушившія личную жизнь Соловьева, не дали возрасти и любимому чаду его любви къ Софіи—Исторіи Теократіи.

Если въ „Религіозныхъ основахъ жизни“ Влад. Соловьевъ до конца остался вѣренъ началамъ святоотеческаго православія, то уже въ первой части Теократіи православный идеаль незамѣтно подмѣняется идеаломъ католическимъ, принявшимъ благовидную личину вселенской теократіи. „Исторія Теократіи“ не могла быть закончена, ибо будущая судьба ея неразрывно связывалась для Соловьева съ дѣломъ католической Уніи. Крушеніе Исторіи Теократіи было въ томъ, что вторая ея часть, вышедшая на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Russie et e' Eglise universelle“ явилась лишь *апологіей католицизма*. Основа философіи и жизни Соловьева до такой степени коренятся въ русско-

византійскомъ православіи, въ подвижническихъ словахъ отцовъ Оиваиды, въ платонизмъ византійскаго богословія, въ радостномъ аскетизмъ русскаго народа, что подмѣна истиннаго церковнаго идеала соблазномъ католической теократіи не можетъ быть объяснена иначе, какъ вмѣшательствомъ той самой „роковой власти“, которая разрушила личную жизнь Соловьева.

Мы видѣли, что переоцѣнка матеріальнаго, природнаго начала, попытка сочетать „злую страсть“ со „свѣтлой любовью“ разрушила личную жизнь Соловьева. Но что же такое католичество, какъ не та же самая попытка *обмірщенія* религіознаго идеала, забвеніе аскетической основы апостольскаго и святоотеческаго преданія и пониманіе Царствія Божія, какъ земной теократіи? обожествленіе грѣховнаго чловѣчества въ лицѣ римскаго первосвященника и обожествленіе грѣховной природы въ чувственномъ мистическомъ культѣ?

Но прежде чѣмъ критиковать католическіе взгляды Соловьева, надо уяснить его отношеніе къ Россіи и православію.

Сергій Соловьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
